

Журнальные наброски

впечатлѣніемъ данной минуты. Если это—такъ, то непосредственная проницательность Вѣстникова еще болѣе удивительна.

Заговоривъ о «Русск. Вѣстникѣ», замѣтимъ кстати, что журналъ этотъ въ общемъ сталъ случивше прежнаго: ни одной свѣжей идеи, и ни капли таланта. Неудивительно, что объ этомъ журналѣ рецензенты вспоминаютъ очень рѣдко.

Новый рассказъ г. Чехова «Огни» («Сѣв. Вѣстникъ», июнь) не прибавитъ ни одного лавроваго листочка къ вѣнку автора. Въ рассказѣ нѣтъ ни поэзии, ни психологіи, а идея рассказа чрезвычайно сомнительнаго характера.

На строящейся линіи желѣзной дороги инженеръ Ананьевъ бесѣдуетъ съ студентомъ института путей сообщенія. Студентъ настроенъ пессимистически и болтаетъ о безцѣльности жизни и ничтожествѣ всего сущаго. Инженеръ негодуетъ и доказываетъ, что пессимизмъ «ведетъ только къ ужасамъ и разлупамъ». Для примѣра инженеръ рассказываетъ слѣдующій «случай» изъ своей жизни. По окончаніи университетскаго курса, инженеръ прѣѣхалъ въ свой родной городъ. Тамъ онъ попалъ за городъ въ какую-то бесѣдку, гдѣ, любуясь природой, онъ сталъ грустить; мысли его приняли пессимистическое направленіе. Вдругъ, въ концѣ аллеи показались три женскихъ фигуры.

— Провожая ихъ глазами,—рассказываетъ о себѣ патентованный пессимистъ,—я думалъ:

«Хорошо бы теперь отъ скуки дня на два сойтись тутъ съ какой-нибудь женщиной!»....

Одна эта фраза даетъ вамъ ясное понятіе, съ какой птицей мы имѣемъ дѣло.

Спустя нѣкоторое время, въ бесѣдку вошла какая-то дама, мѣстная дачница.

— «Вотъ-съ этой бы сойтись.... подумалъ я,—такъ рассказываетъ дальше инженеръ свой «случай»,—оглядывая ея красивую талию и руки. Ничего себѣ.... Должно быть, супруга какого-нибудь эскулана, или учителя гимназіи»....

Оказалось, что дама эта—пріятельница его дѣтства, Кисочка. Когда она была гимназисткой, онъ былъ въ нее влюбленъ, писалъ ей стихи и пр. Ста-

рые знакомцы разговорились и она пригласила его къ себѣ. Мужа дома не было. Въ ея домѣ инженеръ убѣдился, что Кисочка—честная и порядочная женщина и «сойтись» съ нею нельзя, хотя семейная жизнь ея некрасива. Нашъ «герой» ушелъ отъ Кисочки огорченный. Извозчика не было и онъ снова попалъ въ бесѣдку и снова сталъ размышлять о безцѣльности жизни. Вдругъ, въ бесѣдку вбѣгаетъ съ плачемъ Кисочка, которая, увидавъ инженера, рассказала ему о своей несчастной семейной жизни и прибавила, что хочетъ уйти въ городъ къ матери. Инженеръ проводилъ ее въ городъ, убѣдилъ ее зайти къ себѣ въ гостиницу, объяснилъ ей въ любви и она, видя въ немъ, —какъ рассказываетъ инженеръ,—интеллигентнаго и передоваго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка, отдалась ему душою и тѣломъ... Утромъ инженеръ выпроводилъ Кисочку, а самъ съѣлъ на повѣдь и удралъ. Впрочемъ, совѣсть стала его мучить и онъ поѣхалъ назадъ, «появился передъ Кисочкой, вымолилъ у нея, какъ мальчика, прощенье и заплакалъ вмѣстѣ съ ней»....

Вотъ и весь рассказъ.

Что о немъ сказать?

Нѣкогда баронъ Брамбеусъ, давая отзывы о негодныхъ книгахъ, восклицалъ: «Ванька, это твоя литература!»

Я думаю, что послѣдній рассказъ Чехова баронъ Брамбеусъ не рекомендовалъ бы и Ванькамъ. Помимо пошлости фабулы рассказа, нельзя не возмутиться тою философійю, которую «герой» оправдываетъ свои пошлости, и которую авторъ приводитъ безъ всякаго признака негодованія.

Я,—говоритъ инженеръ—сынъ благородныхъ родителей, получившій высшее образованіе, по природѣ не злой и не глупый, не чувствовалъ ни малѣйшаго безпокойства, когда платилъ женщинамъ, какъ говорятъ нѣмцы, Blutgeld, или когда провожалъ гимназистокъ оскорбительными взглядами.... Бѣда въ томъ, что молодость имѣетъ свои права, а наше мышленіе въ принципѣ ничего не имѣетъ противъ этихъ правъ, хороши-ли она, или отвратительны. Кто знаетъ, что живая безцѣльна и смерть неизбежна, тотъ очень равнодушенъ къ борьбѣ съ природой и къ понятію о грѣхѣ: борись, или не борись—все равно умрешь и

сгвѣешь.... Во-вторыхъ, судари мои, ваше мышленіе поселяетъ даже въ очень молодыхъ людяхъ такъ называемую разсудочность. Преобладаніе разсудка надъ сердцемъ у насъ подавляющее. Непосредственное чувство, вдохновеніе,—все заглушено мелочнымъ анализомъ. Гдѣ жъ разсудочность, тамъ холодность, а холодные люди—нечего грѣха таить—не знаютъ цѣломудрія. Эта добродѣтель знакома только тѣмъ, кто тешель, сердеченъ и способенъ любить. Въ третьихъ, наше мышленіе, отрицая смыслъ жизни, тѣмъ самымъ отрицаетъ и смыслъ каждой отдѣльной личности. Понятно, что если я отрицаю личность какой-нибудь Натальи Степановны, то для меня рѣшительно все равно, оскорблена она или нѣтъ. Сегодня оскорбилъ я человѣческое достоинство, заплатилъ ей Blutgeld, а завтра ужъ и не помнишь о ней».

Такова «философія» героя рассказа... И противъ такой чепухи и пошлости не негодуютъ ни авторъ, ни студентъ, которымъ инженеръ рассказываетъ свой «случай» для доказательства ужаснаго зла, проистекающаго для молодыхъ людей отъ пессимизма!...

Пошлости, цинизма и безобразія въ нашей жизни не мало. Это—фактъ. Пессимизмъ—не философскій пессимизмъ, а пессимизмъ настроенія (Stimmungspessimismus)—охватилъ многие молодые умы. И это—фактъ. Но доказывать, что первый фактъ есть слѣдствіе втораго, доказывать, что грязь, мерзость и пошлость есть непосредственный результатъ пессимизма и приводить для примѣра разные «случаи»—на это способны только люди, подобные герою чеховскаго рассказа. Внимайте въ логику чеховскаго философа, который строитъ слѣдующій силлогизмъ:

Первая посылка: Я молодой человѣкъ сидѣлъ и размышлялъ о безцѣльности жизни.

Вторая посылка. Вдругъ я увидѣлъ женщину. Животные инстинкты во мнѣ пробудились и я сдѣлалъ низость.

Заключеніе. Вотъ до чего доводитъ молодыхъ людей пессимизмъ!..

И слушателямъ (авторъ и студентъ) не пришло въ голову замѣтить философающему инженеру, что Байронъ, Пушкинъ, Лермонтовъ и масса великихъ и невеликихъ молодыхъ людей размышляли въ нѣны ничуть молодости о безцѣльности жизни, о томъ, что

скучно и грустно и некому руку подать и т. д. и т. д., однако низостей и гадостей они не дѣлали; имъ не пришло въ голову замѣтить инженеру, что пессимистическое настроеніе нашего общества не вътронъ занесено, а есть результатъ фактовъ дѣйствительной жизни, что это настроеніе иногда привело къ апатіи, къ самоубійству, наконецъ, но что низость и гадость вовсе не вытекаютъ необходимо изъ пессимистическихъ воззрѣній; ни автору, ни студенту не пришло въ голову замѣтить инженеру, что если онъ сдѣлалъ мерзость, то это не потому, что онъ былъ пессимистъ, а потому, что онъ былъ просто мерзавецъ.

Только это заключеніе и можно вывести изъ «поучительнаго разсказа» чеховскаго инженера, такъ какъ ни одному порядочному молодому человѣку, — хоть будь онъ распрощаннѣе, — не придетъ въ голову, при видѣ порядочной женщины, мысль о томъ, что «хорошо-бы теперь онъ скучилъ она на два сойтись съ нею»... А чеховскому философу только эта мысль и пришла въ голову при видѣ женщины...

Ужасенъ этотъ развратъ ума и развратъ души; ужасно и спокойное, «объективно-художественное» отношеніе къ этому автору! Если этотъ инженеръ дѣйствительно живое лицо и если онъ свою философію дѣйствительно вынесъ непосредственно изъ учебнаго заведенія, гдѣ воспитывался, и если такихъ «философовъ» въ нашемъ обществѣ много, то это дѣйствительно можетъ внушить отчаяніе и самый мрачный пессимизмъ въ читателяхъ. Г. Чеховъ, положимъ, примиряетъ насъ съ своимъ инженеромъ, такъ какъ послѣдній, при воспоминаніи о разсказанномъ имъ «случаѣ», краснѣетъ со стыда, но характерно именно то, что въ жизни чеховскій молодой инженеръ вступилъ уже негоде-емъ.... Одно это обстоятельство могло бы превратить въ пессимиста любого оптимиста, если бы только мы не вѣрили, что чеховскій герой — уродливое исключеніе.

Остается только руками разводиться отъ изумленія, что этотъ разсказъ г. Чехова нашелъ себѣ мѣсто въ «Сверномъ Вѣстникѣ»...

П. О. Лань.

Всѣ права защищены. Издательство «Свѣтъ».